

— Нам с тобой не о чем разговаривать, — с сухим, ледяным равнодушием отрезал Фань Чжоу.

Бао Су, видя, что тот и с места не двигается, снизил тон до вынужденного шепота:

— Перестань ломаться! Ну да, виноват, пообещал стать твоим спутником, а потом передумал. Но я же сказал, что буду тебя прикрывать! Я не забыл, как ты меня спас.

От этих слов Фань Чжоу едва не свернуло тошнотой — свежесваренная уха из дикой рыбы подступила к горлу.

"Прикрывать он будет? Пошел ты к черту, скотина пятнистая!"

Прежний хозяин этого тела и Бао Су раньше жили в племени Малого Пруда. Три месяца назад на их стоянку напала шайка бродячих дикарей. В поднявшейся кутерьме кролик, ухватившись за трухлявое бревно, сиганул в бурный поток — только так и спасся.

По пути он заметил тонущего леопарда. Бао Су отчаянно барахтался и орал во всё горло; бедолага-кролик пожалел его, подгрел на бревне и вытащил из пучины.

Когда они выкарабкались на берег, выяснилось, что леопард слегка повредил правую лапу. Рана была пустяковой, но тот разнылся, испугавшись, что заново не срастется, и вымолил у кролика уход и заботу. Чтобы задобрить наивного паренька, Бао Су начал слагать песни о любви — дескать, давно заглядывался на него еще в племени Малого Пруда, да все стеснялся признаться.

Доверчивый кролик, к тому же слабенький и бракованный, привыкший к вечным насмешкам, от таких сладких речей совсем потерял голову. И хоть на признание ответил не сразу, ухаживания принял всерьез.

Пока леопард притворялся калекой, кролик, хоть и без серьезных травм, крутился как белка в колесе: шустро лазал по деревьям, рыл норы, добывал пропитание и выискивал безопасные ночевки. Пятнистый проходимец только и успевал вешать ему лапшу на уши. От этой лести доверчивый парень окончательно растаял и согласился стать его спутником.

К моменту, когда они добрались до племени Водопада, раненая лапа Бао Су полностью зажила. Он лоснился от сытости и комфорта, а кролик от постоянной пахоты превратился в исхудавшую, зачуханную тень.

Дурачок верил, что обрел дом и счастье, но месяц назад в племени Водопада появился Чюэ Юй.

Этот юноша был не просто хорош собой — он знал секреты целебных трав! В прежние времена, когда повсюду цвел Цветок Звериного Духа — панацея от любых недугов, — на

травников никто и не смотрел. Теперь же, когда священные цветы почти вымерли, сородичи, знающие толк в корнях, стали ценнее золота.

У племени Водопада не было своего жреца, и у Чюэ Юя имелись все шансы занять это место. И когда этот красивый, способный юнец начал направо и налево называть Бао Су «братом Су», леопард мгновенно сбросил маску. Все его обещания кролику изначально были лишь лживой уловкой.

Две недели назад, прямо во время общего ужина, на глазах у всего племени Бао Су расторг растоптанную помолвку. Не выдержав позора и горя, бедняга кролик в слезах выбежал прочь из лагеря, в ночной тьме споткнулся о торчащий корень, с размаху грохнулся головой о камень... а очнулся уже Фань Чжоу.

Оказавшись в чужом теле, Фань Чжоу потратил первые недели на то, чтобы просто разобраться в этом диком мире, и вовсе не собирался связываться с парочкой мерзавцев. Но те не унимались: один продолжал откровенную травлю, а второй обелял свою гнилую натуру, дескать, ничего страшного не произошло.

Впрочем, прямо сейчас выставить Бао Су из племени было не за что. Тот не заключал сделок, да и боец из него выходил отличный — для соседей из племени Топора он служил весомым сдерживающим фактором.

Фань Чжоу про себя стиснул зубы и, не удержавшись, с молчаливым презрением показал пятнистому средний палец, после чего повернулся и пошел за вождем.

"Ничего, придет время — я с вами обоими рассчитаюсь".

Леопард не ожидал, что, переступив через гордость и снизойдя до разговора, получит в ответ неприкрытый посыл. В груди его вскипела обида.

"Да кем этот Ту Чжоу себя возомнил?! Слабый, бракованный кролик! Да если бы не Чюэ Юй, я бы всё равно с таким заморышем жизнь не связал! И в чем он меня упрекает? Эгоист проклятый!"

Сглотнув желчь, Бао Су поплелся к Чюэ Юю. Изнеженного лекаря еще требовалось умаслить — в будущем тот наверняка пригодится.

Фань Чжоу не обращал внимания на их разборки. Он спешил к заветному месту, а вождь Лан Тянь и вовсе сгорал от нетерпения.

Приказав Ню Шаню взвалить травмированную Сюнь Цзин на плечи и отнести в лагерь, вождь велел остальным собирать твердые орехи, а сам, подхватив плетеную корзину, увязался за кроликом.

Путь к Цветку Звериного Духа оказался не из легких. Подниматься приходилось вдоль русла горного ручья, где вместо троп зияли отвесные кручи. Пробираться приходилось ползком, цепляясь за выступы, словно скалолазы. Было бы неуклюжее тело — костей бы не собрал.

Запыхавшийся Лан Тянь на середине подъема не выдержал:

— Ты Чжоу, и как тебя вообще занесло в такую глухомань?

— Да я и не искал специально. Наткнулся случайно, — соврал Фань Чжоу.

Уходить из общих пещер он не боялся, но и глупый риск не любил: прежде чем обустроиться вдали от лагеря, он досконально проверил окружение на наличие хищников.

— А зачем ты тогда таскал с собой выкопанный цветок? — снова любопытствовал вождь.

В наше время никто не стал бы без нужды таскать с собой такое сокровище.

Фань Чжоу слегка прищурился и выдал заготовленную легенду:

— Я в отряд собирателей не хожу, твердых орехов мне не полагается. Вот и подумал обменять цветок на твердые орехи.

— Вот оно что... — понимающе кивнул Лан Тянь.

Сородичи, обитавшие в общих пещерах, получали хотя бы обрезки и остатки, с голоду не умирали. А вот ушедшие на «вольные хлеба» лишались всякого снабжения. Хочешь сочных плодов — изволь работать на благо общины.

— Ты нашел редчайшее снадобье и сослужил племени великую службу, — веско произнес вождь. — На этот раз я лично выделяю тебе щедрую долю.

— Благодарю, вождь! — расплылся в улыбке Фань Чжоу.

В этом диком краю соль ценилась на вес золота, а углеводы и хоть какая-то сладость были и вовсе невиданной роскошью. За полмесяца после трансмиграции он не попробовал ничего, кроме пресного мяса да рыбы. Бедолага скучал по нормальной еде до слёз. А твердые орехи сочетали в себе и сытность, и приятную сладость — такое упускать нельзя!

Они карабкались почти два часа, пока не выбрались к горному ключу.

Возле источника раскинула кривые ветви старая сосна, а прямо у её корней красовался

молодой стебель Цветка Звериного Духа с крошечным, едва завязавшимся бутон.

Несмотря на малый размер, бутон уже испускал мягкое, фосфоресцирующее свечение.

Увидев его, Лан Тян от избытка чувств заплясал на месте, на глазах его выступили слезы. Вождь беспрестанно шептал благодарности Звериному Богу: сочные стебли и корни этого растения тоже обладали целебной силой! Он уже много лет не видел таких сочных, ярко-зеленых корней Цветка Звериного Духа.

Фань Чжоу тоже облегченно перевел дух.

К счастью, второе растение никто не тронул. Раньше он думал забрать оба стебля, но решил оставить один в естественной среде, чтобы проверить, почему они вымирают в дикой природе. Впрочем, и к этому бутону он пару раз наведывался — поливал его целебной водой из духовного источника.

Тот цветок, который он ежедневно окроплял духовной водой у себя в пещере, уже вот-вот должен был распуститься, а этот только-только завязал бутон. Это окончательно доказывало: живительная вода источника творит с растениями настоящие чудеса.

"Надо будет почаще обшаривать окрестности, — подумал Фань Чжоу. — Вдруг найду еще пару стеблей".

Когда вождь немного перевел дух, он с величайшей осторожностью выкопал бесценное растение вместе с комом земли.

В племя они вернулись уже на закате. День в этом мире длился долго — часов тридцать шесть, не меньше, так что сумерки только-только сгущались.

Сбор орехов к тому времени завершился, да и отряд обмена соли во главе с сородичами уже вернулся на стоянку.

Сюн Цзин пришла в себя. Рана на животе затянулась плотной коркой и больше не кровоточила.

Лан Тян сразу направился к ней и велел немедленно съесть свежевыкопанный цветок, чтобы окончательно встать на ноги.

В сумраке пещеры травмированная медведица полулежала на каменном ложе, опираясь спиной о холодную скалу. Оглядев стебель в руках вождя, она покачала массивной головой:

— Не надо. Мне уже легче.

— Рана глубокая, ты еще слаба, — вмешался Фань Чжоу, указывая на её живот. — То, что кровь перестала течь, еще не значит, что ты здорова. До полного выздоровления тебе еще лежать и лежать.

Сюн Цзин уставилась на него круглыми глазами-пуговками:

— Оставь этот цветок себе. Если поранишься в лесу — он спасет тебе жизнь.

Фань Чжоу на миг опешил. Он никак не ожидал такого ответа. Неужели эта суровая медведица действительно искренне беспокоится о нем?

"Какая замечательная плюшевая душа!"

— Да я живее всех живых, мне без надобности, — с теплой улыбкой возразил он. — К тому же, если я оставлю такую драгоценность у себя, половина сородичей слюной изойдет, покою не дадут. Только лишняя головная боль! Лучше уж ты съешь. Если будешь долго сохнуть да выхаживаться, кто нас защитит, если враги из племени Топора снова нагрянут?

— Но... — медведица всё еще колебалась. Умирать она явно не собиралась, но и работник из нее сейчас был никакой.

— Съешь цветок, а взамен пообещай, что будешь меня защищать. Идет? — мгновенно подкинул идею Фань Чжоу.

Вождь тут же поддержал:

— Послушай его, Сюн Цзин! Выздоровливай скорее и береги Ту Чжоу. Бао Су с Чюэ Юем совсем совести лишились, так и норовят его обидеть. А если прознают, что у него остался цветок, и вовсе отобрать могут.

Эти слова попали в самое уязвимое место. Сюн Цзин уже слышала от Мао Юй о том, как мерзко обошлись с кроликом. Не раздумывая больше, она взяла стебель и целиком засунула в рот.

Горечь стебля оказалась настолько лютой, что медведица чуть не завалялась по полу. Она обхватила голову мохнатыми лапами и тяжело затихла, не в силах вымолвить ни слова.

Фань Чжоу сочувственно вздохнул. Неужели Звериный Бог, создавая эту панацею, вообще не задумывался о вкусе?

Лишь спустя некоторое время Сюн Цзин отпустило. Целебная сила цветка подействовала мгновенно: морда медведицы повеселела, а в глазах появился прежний живой блеск.

Убедившись, что опасность миновала, Лан Тянь велел ей отдыхать, и они вместе с Фань Чжоу вышли из пещеры.

Вождь собрал весь народ у шумного водопада — предстояло важное объявление.

В математике Лан Тянь был, мягко говоря, не силен: разделить общий урожай орехов на число ртов для него являлось задачей из области невыполнимого. По старой традиции делёжка происходила просто: охотники и собиратели получали по три ореха в день, а старики, больные и калеки из общих пещер — по одному.

Сегодня Ту Чжоу добыл два Цветка Звериного Духа и спас жизнь Сюнь Цзин, заслужив огромную благодарность племени.

Поэтому вождь объявил: отныне Ту Чжоу полагается не просто пайка, а целых девять твердых орехов ежедневно!

За исключением Чюэ Юя, скривившего рожу, никто из зверолов не возразил. Большинство поддержало решение вождя, и Лан Тянь приступил к раздаче.

Народ в племени был немногочисленным, так что дневная порция твердых орехов разошлась быстро.

Сгустились сумерки. Соросичи принялись за приготовление ужина.

С озабоченным видом Лан Тянь осмотрел куски красного камня, принесенные отрядом обмена соли. Убедившись, что если лизнуть эту породу, на языке остается солоноватый вкус, он велел раздать булыжники семьям. Придется пока лизать камни — до наступления холодов отряду обмена соли предстоит совершить еще одну вылазку.

Фань Чжоу досталась глыба красной соли весом килограммов под пятнадцать. Прижав камень к груди и подхватив мешок с девятью орехами, он отправился к своему жилищу.

Его нынешнее пристанище располагалось на крутом утесе за пределами основной стоянки племени, метрах в пятидесяти над землей. Это был естественный грот, образовавшийся во время давнего землетрясения.

Внутри стояла теснота, а каменный пол изобилует выбоинами, зато совсем рядом журчал крошечный ручеек шириной меньше метра — с питьевой водой проблем не возникало.

Перед входом имелся естественный каменный карниз. Площадью всего в пару квадратных метров, он идеально подходил под летнюю кухню.

Единственным неудобством был тяжелый подъем по скале. Впрочем, по сравнению с духотой и грязью общих пещер, Фань Чжоу был готов терпимо относиться к таким мелочам.

Взошла яркая луна. Разведя на карнизе костер, он запек в углях пять твердых орехов на ужин.

Орехи пропеклись быстро, наполнив воздух густым, аппетитным ароматом. На вкус они оказались нежными, сладковатыми и совсем не сухими.

Фань Чжоу уплетал их за обе щеки, и на глаза его наворачивались слезы умиления. Вот она — настоящая еда! Неудивительно, что местные так ценят эти плоды. Даже он, привыкший к изыскам современной кухни, был в полном восторге!

Сытно поужинав, Фань Чжоу улегся спать.

На следующее утро он проснулся ни свет ни заря, но немного поковырялся в постели, выгадывая время до рассвета.

Снова разжег очаг, бросил в пепел пару орехов и два яйца снежной курицы, после чего набрал горсть свежей освежающей травы и уселся на корточки у ручья.

Эта трава заменяла местным зубную пасту: освежала дыхание не хуже чистой мяты и отлично очищала зубы.

Пока Фань Чжоу увлеченно разжевывал сочные стебли, у края карниза раздался подозрительный шорох. Он обернулся: обзор перекрывал валун, из-за которого первым делом показалась пара черных мохнатых ушек. А следом вынырнула и сама мордочка — симпатичная, усатая и ужасно милая.

— Сюн Цзин! — ахнул от неожиданности и радости Фань Чжоу.

<http://bllate.org/book/19599/1933826>